

от 26 ИЮН 1962
Газета №

г. Москва

ДОЛЖНО ЛИ имя театра, которое он носит, выражать его творческое кредо? Почему один творческий коллектив носит имя Пушкина, другой — Гоголя? Почему многие театры носят имя Горького? Говорит это о чем-нибудь или не говорит? И должно ли вообще говорить? Имеет ли право театр быть независимым от своего имени?.. Оставим вопрос открытым. Однако есть театры, имя которых прямо указывает на их задачи.

В нашей статье речь пойдет об одном из таких коллективов — о Московском театре имени Ленинского комсомола. Это имя ко многому обязывает.

Проходят годы — и недавние комсомольцы становятся людьми зрелыми. Но в театр, носящий имя Ленинского комсомола, по-прежнему приходит двадцатипятилетний зритель, и театр должен, как тогда-то нам или нашим отцам, отвечать на те вопросы, которые волнуют молодежь. Этот зритель приходит сюда не просто приятно провести вечер. Он ждет помощи, поддержки, совета.

Что же делал и делает театр, чтобы удовлетворить запросы своего зрителя?

ПРИХОДИТСЯ начинать с воспитания. И не очень приятных. Несколько лет назад театр резко и, надо сказать, справедливо критиковали в печати («Так ли нужно осваивать классику?», «Безрадостные встречи», «Невозмуженный замысел» — вот названия некоторых критических статей, которые выражали его положение. Упрекали и в том, что в коллективе мало молодежи, что мало спектаклей о современности.

Потом о театре вообще писать перестали. Хвалили бы-

ло не за что, ругали — до наших же пор? Менялись главные режиссеры, ставились новые спектакли. «Братья Ершовы», «Огонь твоей души», «С завязанными глазами», «Незнакомые люди» благополучно сошли со сцены. Они не запомнились, как запомнились «Парень из нашего города» или «Годы странствий». Отдельные спектакли критика замечала, похваливала, порой поруги-

своих героев и своих проблем. Ведь репертуар театра — это, в сущности, его мнение о зрителе, ответ на недавние, но предполагаемые вопросы.

О чем же говорит со зрителем театр в других рапортах? О чем спорят, что любят и ненавидят герои? Как выглядит на сцене жизнь советской молодежи? Судя по спектаклям «Наташкин мост» и «Чемодан с наклейками»,

и глаза, и выслеживает собственную мать, подозревая ее в супружеской измене. Все это выдвигается за склонности современной молодежи к исканиям.

Мы не хотим «огульно оживать» все спектакли подряд. В них немало ярких, талантливых сцен. Отлично оформлен «Наташкин мост». В этом спектакле запоминается сцена девушек-работниц на лесах. Но ведь это частности.

тирическая? Вопрос этот, видимо, должен был решить театр. Ведь поставить спектакль — значит истолковать его. Но постановщик Б. Толмазов не сумел истолковать пьесу. Был сыгран сюжет, спектакль же не был решен. Характеры в спектакле не раскрыты (исключение Лупус — артист А. Вовси). Что мы, например, знаем о Качо? Добр он или зол, умен или глуп? Футболист, и все. Мы не успели даже его полюбить.

А ведь дарование Толмазова — постановщика проявилось в спектакле достаточно ярко. Интересны начало спектакля, эпизод с бодельщиками, аукцион. На таланты эти эпизоды лишь каждый сам

по себе. Знаменителен и тот факт, что театр за долгое время не поставил ни одной классической пьесы.

Когда у коллектива есть своя платформа, своя тема, он ищет драматурга, берет инсценировку, ставит классику — говорит свое слово в искусство.

Но какие писатели близки театру? «Свои» актеры берут у театров со своей четкой творческой программой. Ставить даже пьесу «среднюю», творческий коллектив выбирает ее за то, что она близка ему по своим идеальным устремлениям. Но во имя каких идей Театр имени Ленинского комсомола поставит драму, «Чемодан с наклейками», «Опасный возраст» и «Наташкин мост»? Чем обогатит себя, авторов, зрителей?

Кончился сезон и театр стоит на пороге. Коллектив опять остался без главного режиссера.

При Персенева никому не приходило в голову упрекать Театр имени Ленинского комсомола в том, что это не театр. Театр был и интересней. Но он не имел права носить имя Ленинского комсомола, ибо так меньше всего думали о проблемах волнующих комсомольскую молодежь.

МЫ не внемлем призывам, совершился прорыв к молодежной тематике. Но нет театра в большом его понимании, нет театра больших идей и актуальных проблем, волнующих юность. Сложилось впечатление, что курс взят правильный, но корабль пока плывет по мелям. А пора бы уже отплыть в Большое плавание!

ИЗ СОЛОВЬЕВА.

К ИТОГАМ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

В БОЛЬШОЕ ПЛАВАНИЕ

вала, но никто не мог назвать крупной, принципиальной удачей коллектива.

В 1960 году в театре вновь сменилась режиссура. Пришел новый главный режиссер — Б. Толмазов. Начала меняться афиша, оживилась труппа. Молодежь стала играть пьесы о молодых: «Цветаев живы», «Опасный возраст», «Гамлет из квартиры № 13», «Наташкин мост», «Друг детства», «Чемодан с наклейками».

Спектакли как будто были неплохо приняты и критикой и зрителем.

О «Цветаев живы» спорили больше, чем о других работах. Одни хвалили пьесу и спектакль, другие ругали. Когда нам сообщают нечто новое о жизни, мы не сразу соглашаемся. Именно, может быть, потому, что это — новое, то есть не известное ранее. Драматург разгадал это новое, хотя в последние годы и в прозе, и в драматургии появилось много произведений о современном молодом человеке. Но молодой человек (чаще всего со средним образованием), отдающий день сомнениям, беспокойный, ищущий места в жизни, неизменно находит это место в последнем действии, и актеры ставят на этом точку. Хотя, быть может, здесь уместнее была бы запятая...

Погодин и театр показали иных героев, уже нашедших место в жизни, выбравших профессию, и тем не менее тоже беспокойных, размышляющих о жизни. Они принесли новые проблемы, новые раздумья. В этом ценность пьесы Погодина и ценность спектакля.

Спектакль был интересной заявкой на свое место в искусстве, это были поиски

если и есть трудности у молодежи, то они несерьезны. Если бывают сомнения и беспоконья, то мнимые, как в «Гамлете из квартиры № 13» или в «Опасном возрасте».

О чем идет речь в «Наташкин мосту», какая там основная проблема? Быть ли складу с кладовщиком или без кладовщика... Правда, драматург и театр понимают, что проблема эта не бог весть какой важности. Поэтому герои усиленно объясняют друг другу и зрителям, что они клянутся, клянутся без клявошника не просто так, они, мол, понимали это как приметку нового.

В «Опасном возрасте» проводился миф, что родители должны думать не только о работе, но и о детях, что очень нехорошо быть стилистом, а незаконный ребенок — это ужасно. Как героический поступок показано намерение обоих героев жениться на Марфиньке. И какая светлая радость охватывает затем всех при известии, что все это лишь шутка и ребенка не будет.

В «Чемодане с наклейками» умные дети разоблачают нечестное купцо не очень умных родителей и легко (как полагает в «легкой» комедии) переосмысливают их, устроив веселый розыгрыш. О характерах своих героев драматург не слишком беспокоится: было бы весело, шумно. И режиссер С. Шпейн делает главный акцент на сцене костюмированного бала: самое интересное и яркое в спектакле — это розыгрыш.

Поможет ли герой в «Гамлете из квартиры № 13» — человек ищущий. Он ищет отца, бросившего двух сироток, чтобы «посмотреть ему в

И плохо, когда в спектакле упоминаются лишь отдельные сцены благодаря песням и танцам, а не поступки героев, которые раскрывали бы их человеческую сущность.

Однако спектакли хвалят? Да, хвалили. У нас уже установился какой-то нехитрый подход к пьесам такого типа. Они, мол, «не претендуют», давайте мы и не будем с них знака требовать.

В коллективе много молодежи, но сможет ли она расти, могут ли вообще актеры формироваться в мастеров сцены на обещанном репертуаре? Актер вырастает из ролей, он топчется на месте, если к нему осуществлен «типажный» подход.

Даже американская судьба молодых М. Струновой и М. Державина, сложившаяся наиболее удачно, вызывает опасения: не слишком ли часто исполняют эти актеры роли одноплановые, повторяя себя?

Коллектив театра не может быть удовлетворен таким репертуаром, да и собственной работой над ним.

Режиссура, как правило, все беда объясняет тем, что нет хороших пьес. Но вот — «Центр нападения умрет на заре», Пьеса интересная, сложная. Сюжет сатирический, доходящий до гротеска. Футболист Качо продается с аукциона, как вещь. Его унаследовал и доставляет к владельцу, который коллекционирует людей. Страшно жить в этом мире — мире безразличия и равнодушия. Финал пьесы трагический: взбунтовавшегося центра нападения казнят.

Какая это пьеса — психологическая, философская, са-